

В деревне семьи Дин вовсю дышал приближающийся Новый год. Дин Тянь вернулся не с пустыми руками — пригнал целых три воза всякой всячины. Старый родительский дом уже вычистили до блеска: стоило переступить порог, как в лицо повеяло сухим, жилым теплом от жарко натопленных кан и обогревательных простенков, а на печи весело шумел закипающий котелок.

Едва он успел устроиться, как на пороге появилась вторая тетушка со старшей кузиной.

— Быстрее переодевайся да иди к нам ужинать, — скороговоркой заговорила она. — А завтра с утра пораньше собери гостинцы да загляни к старому Старосте трех деревень.

— Хорошо, тетушка, — послушно отозвался Дин Тянь.

Ужинали у второго дяди. За столом неспешно перебирали деревенские новости, пока Дин Тянь мимоходом не упомянул, что скоро оставляет службу в уездной тюрьме и теперь подыскивает себе преемника.

Второй и третий дяди переглянулись. Дело касалось казенной службы, и решать такое с кондачка они не решились.

— Место в уезде... — поскреб затылок второй дядя. — А что, если посоветоваться со старым Старостой трех деревень?

Все, что было связано с властями и управой, в глазах простых крестьян оставалось делом государственной важности.

— И то верно! — согласился Дин Тянь. Он и сам об этом подумывал. Пусть старый Староста трех деревень давно отошел от дел, но не зря говорят: «Старик в доме — сокровище в семье».

На следующее утро Дин Тянь отправился к Старосте трех деревень. С собой он прихватил две бутылки хорошего вина, пару свертков с нарядными сладостями, шмат пряной вареной говядины и две связки домашних колбас. Это были еще не праздничные подношения — те полагалось дарить только в первом месяце нового года, а просто дань уважения.

В сенях гостя встретил деревенский староста. Проводив юношу в комнату, он сгрузил гостинцы на невысокий кан-столик и крикнул в глубину дома:

— Отец, к тебе Тянь-эр пришел!

— Зачем только тратился, заходи просто так, — раздался скрипучий, но бодрый голос.

Старый Староста трех деревень сидел на кане и, как обычно, неторопливо чистил чеснок.

— Как можно, дедушка! Разве к старшим ходят с пустыми руками? — улыбнулся Дин Тянь, усаживаясь на край. — Я ведь за этот год в управе так высоко поднялся только благодаря вашим мудрым наставлениям.

Подобная лесть пришлась старику по душе, и он довольно прищурился.

— Ну и подлец же ты, льстишь старику! — рассмеялся Староста трех деревень и велел сыну убрать очищенные зубки чеснока. — Впрочем, твоя правда: уездный судья Ду недавно говорил, что ты малый сметливый и далеко пойдешь. Да что там Ду! Сам императорский посланник тебя хвалил. Я перед теми двумя старыми хрычами из соседних деревень так грудь колесом выкатывал — ну чистый триумф!

— Да ладно вам, дедушка, просто начальство ко мне благоволит, — скромно улыбнулся Дин Тянь и перешел к делу — рассказал о своем скором переводе в префектуру Бэйфэн.

Старик выслушал внимательно, нахмурился и спросил:

— А с прежним местом как? Ты волен сам решить, кого на свое место посадить?

— Волен, — твердо кивнул Дин Тянь. — Судья Сюй прямо сказал, чтобы я сам все устроил и назначил преемника.

— Господин уездный судья выказал тебе великую милость, а для нашей деревни это редкая удача, — рассудительно произнес Староста трех деревень. — Казенное место упускать нельзя. То, что ты идешь на повышение в префектуру, — дело прекрасное, спору нет, но ведь уедешь далеко. А дома всякое случиться может. Будет спокойнее, если в уездной управе останется наш человек. И лучше всего — из нашего рода.

Дин Тянь прекрасно понимал ход его мыслей.

— Я все понимаю, дедушка. «Далекий чиновник не поможет в близкой беде». Пусть я даже смогу напрямую обратиться к префекту, но случись что дома — пока весть дойдет, пока я приеду, время уйдет.

— Рад, что ты такой догадливый, — старик с теплотой посмотрел на юношу. — Поезжай в префектуру, посмотришь мир, наберешься опыта. Там жизнь совсем другая, не то что в нашем захолустье.

— О преемниках... Хотелось бы услышать ваши советы, дедушка. Нужен ведь не только новый главный тюремщик, но и тюремные стражники. Места теплые, сытные, государственное жалованье. Одно но: те, кто идет в казенные службы, лишают своих потомков права сдавать государственные экзамены на три поколения вперед. Об этом нужно помнить.

— Экзамены? Кому сдавать-то? — Староста трех деревень так и покатился со смеху, сверкнув редкими зубами. — Мы же испокон веков спины на пашне гнем! Какие нам экзамены? Ты думаешь, каждый может, как твой дядя, выучиться и вернуться почтенным сюцаем? Да у нас в деревне грамотных по пальцам одной руки перечесть можно!

Дин Тянь мысленно вздохнул. И правда, он совсем забыл, в какое время живет. Какая тут учеба, если большинство жителей даже собственного имени написать не умеют? Такие люди, как его дядя Ху Вэй, рождались раз в сто лет. Неудивительно, что в родной деревне семьи Ху его пылинки сдували: соседи сами вспахивали и убирали его поля, а за то, чтобы он поучил их ребятишек грамоте, охотно платили плату за обучение.

— Ладно, о людях я подумаю, — вздохнул старик. — А ты, как устроишься в городе, не забывай нас. На праздники-то хоть приезжай.

— Непременно, дедушка. Здесь мой дом, мои корни. Как же иначе?

Эти слова пришлись старику по сердцу. Ужинать Дин Тяня насильно усадили здесь же. Простая крестьянская еда — сушеные баклажаны в густом соевом соусе да свиные ребрышки, тушёные со стручковой фасолью — показалась ему необыкновенно вкусной. На гарнир подали дымящуюся смесь из проса и риса — сытную крестьянскую кашу.

Видя, с каким аппетитом уплетал гость, хозяева так и лучились радушием. Староста порывался налить Дин Тяню вина, но тот вежливо отказался, сославшись на нелюбовь к хмельному. В итоге он лишь наполнил чарки старшим, а сам просто наелся от души.

Едва Дин Тянь успел вернуться домой от Старосты трех деревень, как к нему самому пожаловали гости.

С широкой улыбкой на пороге появился Дин Кань, держа в руках скромные гостинцы от своей семьи.

— Брат Кань! — обрадовался Дин Тянь. — Ба, да ты никак обновил гардероб?

На Дин Кане красовался новенький, ладно скроенный ватник из добротной тонкой хлопчатобумажной ткани. Раньше-то он вечно ходил в заплатках, от которых за версту веяло нуждой и вечной экономией. Теперь же в его облике сквозила уверенность — видать, дела у семьи наконец-то пошли на лад.

— Пять лет обновки не видел, — смущенно ухмыльнулся Дин Кань, ставя принесенное у дверей. — Жена тут осенью грибов в лесу набрала да засушила. Знает, что ты любишь всякую сушенину, вот и собрала тебе целую корзину. Не побрезгуй.

Богатых подарков у них не водилось, а птицей Дин Тяня не удивишь — у него самого добра

хватало. Вот и решили преподнести то, о чем вчера прослышали от жены старосты.

— Заходи, заходи к кану, — Дин Тянь усадил гостя и придвинул к нему тарелку с жареными семечками. — Угощайся.

— Спасибо, — Дин Кань устроился поудобнее. Разница в возрасте у них была приличной, но по родословной они приходились друг другу ровней.

— Вижу, дела у вас спорятся, урожай в этом году порадовал? — спросил Дин Тянь, заваривая чай.

— И не говори! Урожай отменный, да еще и управа вернула отобранные налоги деньгами и зерном, — Дин Кань довольно заулыбался и почесал затылок. — Спасибо тебе, Тянь-эр, что отдал свои земли мне в аренду. Впервые за долгое время вздохнули свободно.

— Рад слышать, брат Кань.

Они немного потолковали о видах на будущий год. Дин Тянь подтвердил, что продлит аренду. Дин Кань, собственно, ради этого и пришел — его семья, вкусив сытой жизни, очень боялась лишиться этих щедрых участков.

Слово за слово, разговор зашел о делах казенных. Скрывать скорый отъезд в префектуру Дин Тянь не стал — деревня маленькая, все равно скоро разнесется.

— В префектуру?! — ахнул Дин Кань. — А как же твоя служба в уезде?

— Господин судья разрешил мне самому назначить преемника, — пояснил Дин Тянь.

Дин Кань призадумался.

— Ничего себе... Вот это уважение со стороны начальства.

Возвращение в деревню было по-настоящему домашним. Но встречать Новый год в одиночку в пустом доме не годилось, поэтому семьи второго и третьего дядей решили собраться на праздник в старой усадьбе.

Праздник малого Нового года и проводы бога очага Дин Тянь справил один. Но стоило этому дню миновать, как просторные комнаты заполнились шумом родни. Пустующий дом мгновенно ожил.

Двадцать третьего — лакомься сладостями,

Двадцать четвертого — выметай сор,
Двадцать пятого — толки сою на тофу,
Двадцать шестого — томи жирное мясо,
Двадцать седьмого — режь петуха,
Двадцать восьмого — замешивай тесто,
Двадцать девятого — ставь на пар пампушки,
В тридцатую ночь — гуляй до утра,
А в первый день года — пляши у костра!

Двадцать четвертого числа Дин Тянь занялся уборкой. Правда, дом и так сверкал чистотой, поэтому все свелось к паре взмахов веником ради традиции.

А двадцать пятого усадьба окончательно заполнилась народом. Детвора, разумеется, сразу принялась высматривать сладости. Дин Тянь предусмотрительно запасся угощением: благо, кондитерское дело в Поднебесной не стояло на месте, и лавки ломились от белого и красного сахара, ячменного солода и тягучей карамели.

Особенно ребятаме полюбилась привозная гаоляновая карамель из Шаньдуна. Дин Тянь привез целых десять цзиней этой сласти, и детские ладошки тут же потянулись за липкими кусочками.

В день приготовления тофу местная деревенская артель трудилась не покладая рук. Готовили не только нежный водянистый тофу, но и сухой, и замороженный.

Дядя притащили домой целую доску свежего тофу, двадцать цзиней прессованного сухого и еще полсотни цзиней мороженого — для зимних похлебок.

Сам же Дин Тянь остался дома развлекать ораву кузенов и кузин. Проще говоря — нянчился с детьми.

Оба его дядьки и тетушки хлопотали на кухне, подготавливая мясо: свинину, баранину и говядину.

Густой, сытный аромат заполнил весь двор, и у мелких потекли слюнки. Дин Тянь, не выдержав их умоляющих взглядов, выловил из огромного котла кусок сочной пятислойной грудинки, нарезал тонкими ломтиками и подал с чесночным соусом.

Пока дети уплетали угощение, пачкая щеки жиром, он выудил из бульона по сочной косточке для каждого. После такого пиршества мелкие души не чаяли в своем щедром старшем брате.

Вторая тетушка, заметив это самоуправство, шутливо погрозила пальцем:

— Совсем ты их избалуешь!

— Праздник ведь, тетушка, — улыбнулся Дин Тянь. — Когда еще мясом наедаться, как не в Новый год?

В прошлой жизни ему частенько приходилось приглядывать за младшим братом, так что ладить с детьми он умел отлично.

Двадцать седьмого числа настал черный день для домашней птицы. Во дворе то и дело раздавался истошный гогот и крикание — уток, гусей и кур забивали десятками. Дин Тянь устроился прямо на крыльце и принялся споро ощипывать тушки.

— Ну что за парень! Это же бабья работа, чего ты тут возишься? — заохала третья тетушка, завидев, как племянник перебирает перья.

— Коплю пух, — коротко бросил Дин Тянь.

Ему безумно хотелось собрать побольше мягкого пуха, чтобы смастерить себе теплое пуховое одеяло или хотя бы набить матрас.

Здесь, на Северо-Востоке, зима превзошла все его самые мрачные ожидания. В эту древнюю эпоху, не знавшую глобального потепления, холода стояли поистине лютые.

Мороз пробирал до костей.

Даже живя в тепле и сытости, имея кучу припасов, Дин Тянь постоянно мерз. Что уж говорить о бедняках? Теперь он прекрасно понимал, почему крестьяне с первыми холодами наглухо запирались в домах и не совали носа на улицу. Без теплой одежды и надежной обуви пеший переход даже в пару верст грозил обморожением.

Когда он ездил проведать дядю, натягивал на себя все, что было: лисью шапку, меховые рукавицы, тяжелый кожаный тулуп, ватные штаны и подбитые мехом сапоги. И все равно зуб на зуб не попадал.

— Пух? — тетушки недоуменно переглянулись.

Дин Тянь указал пальцем на горсть мягкого подшерстка, отделенного от жестких перьев:

— Вот эти нежные пушинки. Они мне и нужны.

— Да ведь их всегда выбрасывают, — пожала плечами третья тетушка. — Зачем они тебе?

— Пригодятся, — загадочно улыбнулся Дин Тянь, бережно складывая пух в полотняный мешок.

— Гуйхуа! А ну-ка иди сюда! — крикнула вторая тетушка.

Старшая кузина поспешно вытерла руки о передник и выбежала на крыльцо:

— Да, матушка?

— Бери Чахуа и бегите к пятой тетке да к соседям. Спросите, не отдадут ли они птичий пух. Покажи им, какой именно твоему брату нужен, — тетушка кивнула на мешок Дин Тяня.

Гуйхуа заглянула в мешок:

— Поняла, сейчас сделаем.

Кузины весело убежали со двора. Старший брат привез им столько подарков, что выполнить его скромную просьбу для них было только в радость.

Дин Тянь припоминал, что пуховые постели в исторических хрониках начали упоминаться где-то в конце эпохи Мин. Нынешняя династия правила гораздо позже, но почему-то о пользе пуха местные жители не догадывались, считая его бесполезным мусором. Что ж, тем лучше для него.

Слухи по деревне разошлись мгновенно — благо селище было небольшим, и почти все приходились друг другу родней. Уже к вечеру у ворот старой усадьбы выстроилась очередь из деревенской ребятни. Каждый тащил в кулачке или в подоле горсть птичьего пуха. Дин Тянь не прогнал никого: за каждую принесенную горсть он щедро насыпал детям по горсти семечек и сладкой карамели. Ребятишки, сияя от счастья, набивали карманы и убегали домой.

Хоть взрослые и посмеивались над этой причудой молодого главного тюремщика, но щедрость его оценили. В деревне заговорили, что Дин Тянь — парень добрый и не заносчивый, несмотря на службу у уездного судьи.

Двадцать восьмого числа в доме завели опару. Тетушки безраздельно властвовали на кухне, кузины крутились на подхвате, а кузены кололи сухие дрова. Младших же ребятишек снова поручили заботам Дин Тяня. Деревенские дети росли быстро и хлопот не доставляли.

Дин Тянь, устроившись на теплом кане, качал одного малыша на руках, а второго придерживал за плечи и негромко напевал строчки из «Троесловия»:

— Накануне бытия... Человек по сути добр...

Малыши, забавно картавя, послушно вторили за ним:

— Накануне бытия... Человек по сути добр...

Спустя много лет братья часто вспоминали этот зимний день, неизменно называя старшего брата своим первым учителем.

Дядя, заглядывая в комнату, лишь довольно щурились, глядя на эту теплую картину.

И лишь далеко в префектуре великий князь Ван Цзо пребывал в прескверном расположении духа. Ледяным взглядом окинув коленопреклоненного слугу, он процедил сквозь зубы единственное слово:

— Вон!

<http://bllate.org/book/19387/1997498>